

Цзян Мяо чувствовал на спине взгляд Пэй Чэ - такой острый, будто его вот-вот пронзят насквозь. Он неловко шагнул в сторону, но цепкий взгляд, словно тень, тут же снова прилип к нему.

- Молодой господин Пэй, не хотите ли прогуляться во дворе? - не выдержал Цзян Мяо и обернулся. - Я позову, когда персики будут готовы.

Как тут работать, когда на тебя так пялятся без отрыва? Но раз уж Пэй Чэ теперь его заказчик, пришлось уговаривать мягко.

Пэй Чэ слегка удивился его почти строгому тону.

- Разве вчера ты не разрешил мне посмотреть? - спросил он.

...

Накануне Цзян Мяо, соблазненный щедрой оплатой, скрипя сердце согласился на эту просьбу Пэй Чэ. Поэтому ранним утром тот велел служанке принести ему старую одежду.

Старшие служанки, Чань И и Вэнь Цзин, в недоумении переглянулись. Что это стряслось с их молодым господином? Даже если одежда и поношена, она все еще вполне годилась для носки - откуда там взяться дырам? Делать нечего, они откопали прошлогодние обноски и отправили их господину.

Переодевшись, Пэй Чэ сел в повозку и направился в переулок Тяньшуй. Цзян Мяо как раз вернулся с утреннего рынка, затаскивая поклажу во двор, когда услышал стук в ворота.

Он открыл - снаружи стоял возница Пэй Чэ, а сам молодой господин сидел в повозке с хмурым лицом, будто что-то сильно его тревожило.

- Молодой господин Пэй, не соизволите ли сойти? - предложил Цзян Мяо. - Пусть ваш человек отгонит повозку немного подальше. Переулок узкий, вы тут всем проезд загораживаете.

- М-м... - промычал Пэй Чэ, но с места не сдвинулся.

Он напряженно уставился на что-то за воротами, и его охватило недоброе предчувствие.

Цзян Мяо проследил за его взглядом и заметил у самых ворот небольшую кучку, подозрительно похожую на блевотину. Он вспомнил вчерашний вечер: скрип соседской двери, громкую ссору тетушки Мо с невесткой. Видимо, местный гуляка перебрал вина и опорожнил желудок прямо у чужого входа.

- Кажется, кто-то наблевал, - констатировал Цзян Мяо. - Осторожнее, не наступите.

Он собирался убрать это позже.

- М-м... - снова промычал Пэй Чэ.

Его глаза блуждали, а мысли, казалось, унеслись неведь куда.

"Ну и притворщик!"

Цзян Мяо мгновенно угадал его мысли и мысленно обругал аристократа. Он зашел во двор, присыпал неприглядное пятно золой, тщательно смел остатки, плеснул воды из ведра и только тогда пригласил господина войти.

- Возвращайся пока, - велел Пэй Чэ вознице. - Заберешь меня до полудня.

Он осторожно ступил вслед за Цзян Мяо во двор. Кроме убранный грязи, ничего страшного не обнаружил и немного успокоился.

- Где твоя кухня? - спросил Пэй Чэ, оглядывая тесный дворик и прикидывая, где ему предстоит провести этот день.

- Вон там, - указал Цзян Мяо на северную комнатку.

Такая маленькая? Пэй Чэ окинул взглядом низкий дверной проем и обеспокоенно подумал, не ударится ли он головой.

- Заходите, все уже готово, скоро начнем, - позвал Цзян Мяо, заметив, что гость топчется у входа.

Он не понял, что так смущает Пэй Чэ - его редкий визит или что-то еще? Богатеи нынче пошли какие-то странные. Цзян Мяо все больше сомневался, действительно ли Пэй Чэ - тот самый первый красавец Лянцзина. Может, просто однофамилец с довольно привлекательной внешностью?

Пэй Чэ немного помялся, затем пригнулся и шагнул внутрь.

И замер на пороге!

Войдя, он остолбенел! До этого момента он мог лишь сокрушаться о тяготах жизни простого люда, но представить себе такого не мог. Разве можно жить там, где кухня и спальня - одно целое? Пусть здесь и было чисто, и все прибрано, но факт оставался фактом: вот плита, а вот постель!

"Неудивительно, что этот торговец такой жадный до денег. Окажись я на его месте, разве не так же жаждал бы богатства?" - подумал Пэй Чэ. Эта мысль вызвала в нем волну жалости, смешанную с легким чувством вины, и он решил позже предложить Цзян Мяо цену за персики повыше.

Цзян Мяо стоял позади, наблюдая за его застывшей в изумлении фигурой. Он прекрасно понимал, о чем думает Пэй Чэ - презрение, что же еще. Когда на тебя постоянно бросают странные взгляды, даже без явной брезгливости начинаешь угадывать, что за этим последует.

"Просто дело не выгорит", - сказал себе Цзян Мяо, мысленно готовясь к худшему.

- Цзян Сяогэ, что с тобой? - обернулся Пэй Чэ, заметив на лице парня странное выражение смирения и покорности судьбе.

- Молодой господин Пэй, вам все еще нужны эти персики долголетия? - прямо спросил Цзян Мяо.

Если нет, то продукты не пропадут - управляющий Ван как раз просил булочек со свиной, можно будет завтра его уважить.

- Конечно, нужны, - искренне удивился Пэй Чэ. - Ты же вчера обещал?

Цзян Мяо внимательно посмотрел на него: удивление казалось неподдельным, без тени сомнения или брезгливости. Он слегка улыбнулся.

- Тогда я начну, - сказал он.

Улыбка вышла мягкой, без прежней настороженности.

Но его облегчение длилось недолго - взгляд Пэй Чэ снова буквально впился в него.

...

- Все персики так делают, что ли? - не выдержал наконец Цзян Мяо. - Чего вы так пялитесь, неужели сами слепить хотите?

Он с трудом сдерживал раздражение от этого неотступного надзора.

Неожиданно Пэй Чэ воспринял его слова совершенно серьезно.

- А что, могу и попробовать, - задумчиво произнес он.

Намек был более чем ясен: он действительно хотел сам поучаствовать в процессе. С самого детства он и близко к кухне не подходил, но, посмотревшись на работу Цзян Мяо, загорелся желанием самому потрогать это белое податливое тесто. Может, если он сам что-нибудь вылепит, то постигнет нечто важное.

- ... - Цзян Мяо мысленно отвесил себе пару оплеух за длинный язык.

- Грязная работа, лучше не стоит, - слабо попытался он отговорить аристократа.

- Ничего, я сегодня специально надел старое, - легкомысленно отмахнулся Пэй Чэ. - Если испачкаю - просто выброшу.

Ему даже польстила собственная предусмотрительность.

- И это вы называете старым? - скептически хмыкнул Цзян Мяо. - А то, что на мне, тогда как называется?

Одежда Пэй Чэ, хоть и выглядела скромно, в тусклом свете комнаты отливала серебристыми нитями. И это он называл старьем?

- Лохмотья? - Пэй Чэ бросил взгляд на многочисленные заплаты Цзян Мяо и высказал предположение.

- Ладно, не понять мне вашего богатства, - вздохнул Цзян Мяо. - Но все равно, выкидывать такую одежду жалко. Лучше бы отдали кому-нибудь нуждающемуся.

Мысль о том, чтобы выбрасывать хорошие вещи, была ему невыносима.

- Как можно отдавать кому-то свою личную вещь? - искренне возразил Пэй Чэ.

Неношеное - это еще куда ни шло, но отдавать то, что уже носил сам - ни за что на свете.

Цзян Мяо осекся: он совсем забыл, что перед ним аристократ из древних времен. У простых людей таких заморочек не было.

- Хотите лепить - так идите к колодцу, вымойте руки как следует, - сдался он.

Пэй Чэ послушно вышел во двор, озираясь в поисках колодца. Его взгляд упал на Сяо Шитоу, который усердно толкает что-то в миске. Сок в миске был ярко-зеленого цвета, мальчик так увлекся работой, что не замечал ничего вокруг, а полуденное солнце рисовало над его головой легкий золотистый ореол - удивительно похожий на младшего брата самого Пэй Чэ.

- Что ты делаешь? - спросил Пэй Чэ, подойдя ближе.

Неожиданный голос напугал Сяо Шитоу, тот вскинул голову и замер, увидев перед собой красивого господина.

- Я... я шпинат толку, - пискнул он, удивленный тем, что такой важный господин заговорил с ним.

- Шпинат? - Пэй Чэ слегка нахмурился. Он не припоминал такого названия. - А зачем?

- Для листочков, - пояснил Сяо Шитоу. - К персикам.

Пэй Чэ сразу все понял. Он давно гадал, откуда у теста на листочках такой приятный зеленый оттенок. Овощной сок - вот оно что! Этот торговец и впрямь был хитер на выдумку.

- Как тебя зовут? - поинтересовался он.

- Сяо Шитоу, - быстро ответил мальчик, а потом с гордостью добавил: - Мое полное имя Цзян Лэй, иероглиф "лэй" пишется как три камня в кучке.

- Лэй - как камни, громоздящиеся на высоком холме, среди которых шелестят листвой тополя?
- уточнил Пэй Чэ, придавая имени глубину.

(прим. пер.: Пэй Чэ использует поэтический образ, связанный с иероглифом 磊 (lěi), состоящим из трех "камней" 石)

Сяо Шитоу никогда не слышал такого толкования и серьезно покачал головой.

- Нет, просто три камешка, один на другом, - простодушно ответил он.

Пэй Чэ усмехнулся его наивности.

- А твоего брата как зовут? - спросил он, вспомнив, что вчера уже интересовался именем торговца, но получил лишь прозвище.

- Брата зовут Цзян Мяо, в его имени "мяо" - три иероглифа "вода", - ответил Сяо Шитоу.

В их родной деревне брата часто звали Саньшуй Сяоцзы, что означало "Малыш Три Воды".

Когда он со своим дружкойм Сяо У рассказывал кому-то о брате, они всегда боялись, что тот назовет его просто по имени, и строго-настрога велели называть его Саньшуй Гэ - "Брат Три Воды". Только ему, Сяо Шитоу, было позволено звать его просто "братом".

- Мяо - как бескрайняя гладь тихих вод озера, у берегов которого зеленеют стройные ряды тростника? - продекламировал Пэй Чэ.

(прим. пер.: Пэй Чэ снова дает поэтическую интерпретацию, на этот раз иероглифу 淼 (miǎo), состоящему из трех "вод" 水)

Имя простого уличного торговца оказалось на удивление изящным.

Сяо Шитоу, снова услышав что-то совершенно непонятное, окончательно растерялся. Этот господин что, ученый?

- Молодой господин Пэй, чего вы там застряли? - раздался из домика голос Цзян Мяо.

Не видя своего гостя, он уже начал беспокоиться, не свалился ли тот в колодец, не сумев набрать воды.

- Брат, я почти закончил! - радостно крикнул в ответ Сяо Шитоу, гордо поднимая миску.

- Молодец, доделывай, потом добавим в тесто, - похвалил его Цзян Мяо.

Он подошел к колодцу, ловко опустил ведро на веревке и вытащил его полным холодной воды.

- Молодой господин Пэй, мойте руки, - сказал он, приподняв ведро и кивнув, чтобы тот подставил ладони под струю.

Пэй Чэ с любопытством наклонился и ополоснул руки ледяной водой.

- А где полотенце, чтобы вытереть руки? - спросил он.

Дома после мытья рук ему всегда подавали сухое полотенце.

Цзян Мяо чуть было не ляпнул: "Об одежду вытрите", но вовремя сдержался.

- Полотенца нет, - сказал он. - Просто помашите руками сильнее, они быстро высохнут.

Пэй Чэ подумал, что такие действия не подобают его статусу, и отказался, решив подождать.

"Привереда!"

Цзян Мяо мысленно выругался, терпеливо дождался, пока руки аристократа высохнут на воздухе, и только потом повел его обратно в комнату.

Едва войдя, Пэй Чэ с энтузиазмом сунул руки прямо в таз с тестом.

- Эй, осторожнее! У вас рукава слишком широкие, все тесто перепачкаете! - остановил его Цзян Мяо.

Его собственная одежда была с узкими рукавами - простолюдины не любили широкие одеяния, они только мешали работать.

Пэй Чэ нахмурился и замер с поднятыми руками. Он не понимал, почему такое простое, на первый взгляд, дело оказывается таким сложным.

Цзян Мяо не выдержал этой картины, взял с кровати две простые тесемки, аккуратно закатал один рукав Пэй Чэ и завязал его тесемкой, затем проделал то же самое с другим. Его дыхание было так близко, что Пэй Чэ невольно напрягся - он не привык к такой близости посторонних.

- Готово, - сказал Цзян Мяо, закончив.

Он снова вымыл руки, энергично ими потряс, заметил, что Пэй Чэ все еще стоит столбом, и напомнил:

- Берите же.

Он отщипнул небольшой комоч теста, дал его Пэй Чэ и велел повторять за ним.

Затем он дал ему начинку из красной фасоли - специально подготовленную, сухую и рассыпчатую, чтобы новичку было проще справиться: такая начинка не вытечет и не порвет нежное тесто.

Цзян Мяо лепил с поразительной ловкостью: пара быстрых движений пальцами, легкий надрез скребком - и вот уже милый персик готов. Пэй Чэ следил за его действиями очень внимательно, будучи абсолютно уверенным, что все запомнил, и принялся за свой собственный персик.

Но реальность жестоко обманула его ожидания. Вместо того чтобы учиться, Пэй Чэ, казалось, лишь зря тратил время и продукты. Даже с самой простой начинкой у него ничего не получалось. Испортив изрядное количество теста, он наконец сумел вылепить нечто отдаленно похожее на персик.

Цзян Мяо, не желая его огорчать, тактично промолчал, но про себя подумал: "Это больше похоже на... задницу".

Все утро Пэй Чэ усердно лепил десятки таких "задниц", в то время как Цзян Мяо быстро и умело закончил с основной партией настоящих персиков долголетия.

Наконец дошло до формирования листьев и окраски. Обычные персики, подкрашенные красным дрожжевым порошком, словно ожили, заиграв аппетитными румяными бочками, а вот "задницы" Пэй Чэ, даже будучи окрашенными тем же способом, все равно остались просто "задницами".

Цзян Мяо аккуратно поставил персики в пароварку и повернулся к Пэй Чэ.

- Молодой господин Пэй, скажите честно, зачем вы на самом деле сюда пришли? - прямо спросил он.

Пэй Чэ, казалось, искренне забавлялся, но Цзян Мяо нутром чуял: такой важный гость явился сюда не просто ради персиков.

Пэй Чэ не выказал удивления от прямого вопроса.

- Помнишь, я спрашивал тебя, почему ты не используешь кисть для окраски? - начал он. - Ты тогда ответил, что свет по-разному падает на настоящий персик, делая его где-то ярче, а где-то бледнее. Твои слова тогда заставили меня задуматься. Я вернулся домой, долго наблюдал за игрой света и тени и написал новую картину. И я действительно почувствовал, что стал рисовать лучше. Вот я и пришел снова, чтобы пообщаться с тобой, вдруг я смогу научиться чему-то еще.

Цзян Мяо вспомнил его вчерашнюю фразу "я многому научился" и не смог скрыть своего изумления. Явиться в такую дыру ради одной случайной фразы - вот это настоящее смирение ученого! "Будь у него самого такая жажда знаний, разве пришлось бы ему в прошлой жизни горбатиться учеником в 'Новом Востоке'?"

(прим. пер.: Вероятно, имеется в виду известная кулинарная школа New Oriental в Китае, что намекает на прошлое или происхождение главного героя).

- Господин Пэй, вы зря проделали такой путь, - честно сказал Цзян Мяо. - Я тогда просто ляпнул первое, что пришло в голову, не подумав. Это ваша собственная проницательность и талант помогли вам, а не мои слова. Моей заслуги тут нет.

В школе он, конечно, баловался рисованием, даже любил внеклассные занятия по искусству, но учить основам живописи ученого мужа из древней династии? Это было бы просто смешно.

- Твои персики так хороши, в них видна настоящая мысль и мастерство, - возразил Пэй Чэ. - Живопись и кулинария - это ведь тоже ремесла, и в них наверняка есть что-то общее.

Цзян Мяо улыбнулся. Надо же, совсем не зануда. Многие ли ученые мужи согласились бы приравнять высокое искусство каллиграфии и живописи к какой-то стряпне?

Впечатленный его словами, Цзян Мяо взял небольшой нож и белую редьку, стоявшую неподалеку, и принялся быстро что-то вырезать. С легкой улыбкой он уверенно водил острым лезвием, и белые стружки редьки падали на стол. Пэй Чэ не сразу понял, зачем он вдруг взялся за редьку, но его ловкие, точные движения завораживали, и аристократ терпеливо ждал результата.

- Вот, это вам, - сказал Цзян Мяо и протянул редьку Пэй Чэ.

Легким движением руки он стряхнул последние стружки, и на его ладони расцвел изумительный цветок - чистый, белый, с хрупкими, почти прозрачными лепестками, вырезанный из обычной редьки.

- Мне? - Пэй Чэ замер, не сводя глаз с цветка, глубоко потрясенный увиденным.

Ему не верилось, как невзрачная редька прямо у него на глазах превратилась в такое произведение искусства.

- Да, - кивнул Цзян Мяо, которого вдруг осенила идея. - Рисовать я не мастер, но вот с готовкой управляюсь неплохо. Окуните этот цветок в тушь и прижмите к бумаге - думаю, выйдет довольно интересный отпечаток.

Он как-то видел картины, созданные похожим образом - отпечатки рыбы, обмакнутой в тушь. Выходило на удивление живо.

Пэй Чэ улыбнулся. Он осторожно взял цветок из рук Цзян Мяо, и легкая прохлада влажной редьки проникла от его ладони прямо к сердцу.

<http://bllate.org/book/17917/1716274>